

Фокус поговорил с архитектором Олегом Дроздовым о скандале вокруг нового здания театра на Подоле, мещанском псевдоисторизме в Киеве и мёртвой старушке с силиконовыми имплантами

Киев в кубе

Оксана Савченко

Споры вокруг фасада театра на Подоле несколько недель напоминали сводки с фронта. Только в роли воюющих сторон выступали горожане. Суть дискуссии сводилась к тому, что одни призывали снести здание, как уродующее архитектуру Андреевского спуска, другие считали новый театр прорывом в будущее.

Андреевский сегодня похож на плохо постиранный коврик из прихожей, почему-то никого не смущают ни машины, припаркованные на так называемой исторической брусчатке, ни полуразваливающиеся здания по обе стороны спуска, ни Андреевская церковь, выкрашенная в диковатый бирюзовый цвет. Всех обескураживает только куб — реконструированное здание театра на Подоле.

«Трансформация гипотетического в некое бесспорное «здесь и сейчас» всегда травматична для современной архитектуры. Словно актёр, разыгрывающий совершенно не ту пьесу, что все прочие актёры на той же сцене, современная архитектура хочет играть свою роль, не являясь частью представления, заявленного в программе», — когда-то написал голландский архитектор и теоретик архитектуры Рем Колхас. Ситуация вокруг театра на Подоле, похожа на плохо разыгрываемую провинциальную пьесу, при этом создаётся впечатление, что половину текста писал Антон Чехов, другую — современный драматург Мариам Агамян.

В эпицентре разборок харьковский архитектор Олег Дроздов. Как любого талантливого человека, его можно узнать по почерку — без его работ, выполненных характерным для Дроздова актуальным языком, трудно представить современный архитектурный ансамбль Харькова. Корреспондент *Фокуса* встретилась с Олегом на Андреевском спуске, чтобы обсудить скандал и его уроки.

Голый король

1 Олег, в одном из интервью вы сказали, что конфликт вокруг театра

на Подоле показал состояние нашего общества. И добавили, что провоцирование этого конфликта — профессиональная манипуляция сознанием граждан. Что вы имели в виду?

— Начнем с того, что театр стоял в таком виде долго, не вызывая никаких вопросов, и по некоей «случайности» жаркий спор разгорелся за день до объявленного открытия фасада. В пылкой дискуссии на Facebook вокруг театра на Подоле принимали участие боты. Их были десятки. Я лично на два-три аккаунта пробовал зайти, чтобы понять, кто эти наиболее активные люди, — у них не было историй, не было личных фотографий. Кроме того, речь шла и о снимках театра, которые появлялись в Сети. В фотографии есть возможность кадрирования, которая тут активно использовалась. Мы получали картинку за пределами реального восприятия. У глаза не может быть такого фокуса. То есть речь об усилении требуемого эффекта.

2 Про что для вас эта история со зданием театра?

— Про то, что король голый. Но я оцениваю её позитивно. Это важное событие в истории Киева, в его осознании себя. Оно спровоцировало публичную дискуссию, и только благодаря ей вообще может быть какая-то рефлексия по поводу того, где мы живём. Это подтолкнуло горожан к тому, чтобы внимательно осматриваться вокруг. Дать свою оценку. Это пробудило в обществе интерес к архитектуре в целом. У нас нет ни одного нормального периодического издания об архитектуре. Нет дискуссии об архитектуре. На уровне заказных статей про девелоперские проекты есть. Но ни слова о том, в каком времени мы живём, ни слова о недавней истории, например, о семидесятых, восьмидесятых. О советском наследии. Нет критичного взгляда на то, что произошло с городами за годы независимости. Опять же эти уроки Андреевского в том, что одни просто не интересуются городом, а другие тем временем стараются захватить его пространство.

«В 1970-е — начале 1980-х в Киеве работала потрясающе талантливая плеяда архитекторов, которые говорили на актуальном мировом языке, но это никак не перешло в новоукраинское время»

Интересно то, что наибольший резонанс вызвал проект, в котором город выступает заказчиком, а горожане — потребителями. Если пережить ситуацию на какую-нибудь христианскую общину, которая таким образом принимает открытие своей церкви, то получится, что прихожане говорят только о том, что колокольня слишком тёмная или слишком высокая и, вообще, она как-то не очень вписывается в улицу, при этом никто не вспоминает о том, что будет с этой церковью происходить.

Групп бабушки

Как вы оцениваете современный Киев с точки зрения архитектуры?

— Если говорить о языке и об уместности, то человечество уже больше ста лет живёт в современности (модернист). Для меня быть в современности — это не иметь комплекса неполноценности. Когда твоя традиция и есть инструментарий, с которым ты работаешь. А не застывшие мифы. Общество ейчас выдумывает мифы — не говорит о том, что из нашей традиции можно перенести в XXI век и использовать как инструментарий, как часть своей идентичности, а впадает в поиск того, чего в этом вчерашнем нет не было никогда. Вместо того, чтобы заниматься будущим, выдумывают прошлое. Многие памятники архитектуры «улучшают» настолько, что они гановятся латексно-пластиковыми. После каждой реконструкции появляются новые башенки. Это всё равно что достать бабушку из гроба и вставить ей силикон.

Можете привести пример неправильного использования наследия в Киеве?

— Например, недавно убрали памятник «Бульжник — оружие протариата» И.Д. Шадря, посвящённый революции 1905 года. Абсолютный, если не шедевр, то высочайшего уровня монумент. Если говорить киевской архитектурной среде, то здание Украинского института научно-технической экспертизы и информации архитектора Флориа-Юрьева возле станции метро «Лыбедская» — такая летающая тарелка красивой брускообразной высокой истью. Это шедевр, к которому сейчас собираются пристроиться новым урговым центром. Могу вспомнить бывший Дворец пионеров на площади Славы, гостиницу «Салют». Никого нет ощущения, что эти вещи достойны охраны, изучения. Речь идёт о своих же традициях, из которых можно было бы черпать будущее. Традиция становится традицией, когда она изучена и охраняется. Тогда создано общественное мнение её ценности.

Переходя к Андреевскому, треть того, что построено на Подоле, — новоделы, притворяющиеся чем-то другим. И главное, что молодое поколение не может уже разделить, где фейк, а где нет.

Воздвиженка режет глаз?

— Для европейского глаза это за пределами понимания. Когда знакомые европейцы туда попадают, испытывают крайнее недоумение. Это говорит о том, что мы живём в изолированном пространстве.

Ложь как часть культуры

В чём причина этой изолированности, если в те же семидесятые в Киеве работали прогрессивные архитекторы, ведь по логике у них должны были остаться ученики?

— Отчасти это связано с романтической реакционностью, которая в Киеве проявилась в конце восьмидесятых. Да, в 1970-е — начале 1980-х в Киеве работала потрясающе талантливая плеяда архитекторов, которые говорили на актуальном мировом языке, но это никак не перешло в новоукраинское время. И мещанский псевдоисторизм с монолитным каркасом и пенопластовыми элементами стал основным трендом. Я думаю, что-то сломалось в системе образования и общественном сознании. Идея будущего ушла с топов и была заменена мифотворчеством. Как бы все начали представлять себя в чинах и каретах. И немногие понимают, в чём состоит наследие. В цивилизованном мире нет стран, где так важна была бы внешность, как она важна в нашей. Придуманный образ человека и несоответствие его настоящим делам легко принимаются нашим обществом.

Вы имеете в виду, что у нас важнее казаться, чем быть?

— Да. И эта ложь настолько вошла в привычку, что уже стала частью культуры. Как коррупция. Часто, когда официальные лица говорят, ты понимаешь, что они говорят не то, что думают. А когда вдруг человек начинает говорить правду, он выглядит потерявшим самообладание. Особенно я это ощущаю, когда общаюсь со скандинавами, которые, как правило, намного искреннее. Они не тратят энергию на то, чтобы придумывать более красивые истории, чем есть на самом деле. Весь двадцатый и двадцать первый век — это тренд о том, чтобы форма и содержание не расслаивались. Уже много лет человечество идёт по этому курсу — чтобы меньше понтов и больше содержания. Естественность — тренд будущего.

«Уроки Андреевского в том, что одни просто не интересуются городом, а другие тем временем стараются захватить его пространство»

Вы поэтому для строительства театра на Подоле искали столетней давности кирпичи?

— Да. Мы хотели, чтобы плоть была настоящей. На строительных свалках покупали старый кирпич, сделанный 120 лет назад. Его очищали. Это большой труд. Кроме материала, также был использован архаичный принцип кладки — такой же, как в соседних домах.

В 2012 году было объявлено о том, что Андреевский спуск является градостроительным ансамблем. Это повлияло на проект?

— Это произошло, когда театр был уже в тех физических параметрах, что и сейчас. Но если Андреевский является заповедником, по правилам надо, чтобы все параметры были чётко определены: высота дома до карниза, плотность его застройки, по какой линии и так далее,

но этого нет. «Заповедность» не наложила никакого регламента на театр. Недавняя дискуссия с архитекторами и представителями властей показала, что для них не важен размер, а важен язык. Если он сказочно-пряничный — тогда это древний Киев.

По сути, всё это профессиональное сообщество, утверждающее, каким быть городу, и которое его же строящее, — одни и те же люди, которые свели масштаб и историческое разнообразие Киева к нулю. Мы не видим в центре практически ничего, что строилось бы без пенопластовых нащёпок. Это уже стало дресс-кодом, иначе фейс-контроль не пройдёшь.

Упрощение — это понимание

Как культуре с пенопластом удалось занять такие прочные позиции?

«Многие памятники архитектуры «улучшают» настолько, что они становятся латексно-пластиковыми. После каждой реконструкции появляются новые башенки. Это всё равно что достать бабушку из гроба и вставить ей силикон»

Архитектор Олег Дроздов об «осовременивании» киевских памятников архитектуры

— Она базируется на том, что само образование архитекторов строится вокруг фигуративной эстетики. Перед тем как поступить в вуз, рисуют горшочки, потом гипсовые головы, потом долго изучают церкви, и всё это, конечно же, плотно оседает в сознании. На самом деле для архитектора важно уметь рисовать скетчи, графику, которая подчёркивает шаржевость, гротескность пространственных ситуаций. Важно уметь определять суть ситуации и упрощать, а не усложнять. Упрощение — это всегда понимание.

Второй момент. Суть архитектуры — это вообще про события: политические, социальные. Она самодостаточна в своём языке, но всегда крутится вокруг определённого мира, эпохи, политики, религии, обстоятельств, при которых родилась, и об этом она должна говорить. В нашем образовании этого практически нет. Именно поэтому сегодня мой главный проект — это создание новой архитектурной образовательной институции, которую мы с партнёрами строим на основе сегодняшнего понимания профессии и её роли.

Что бросается в глаза, особенно в Киеве, — город переполнен молодыми прогрессивными людьми, которые работают в быстро развивающихся украинских компаниях. Но между этими людьми и городской средой нет практически никакой связи: дома, в которых они живут и работают, — это про вчера. Из эстетики сегодняшнего времени к нам дошло в чистом виде только то, что касается индустрии потребления. Зона, в которой к нам пришла современность, ограничивается торговыми центрами, бутиками и автомобилями, и на остальную среду обитания эта современность не распространяется. Хотя абсолютно точно наступит новое время, революция это определила.

С театром на Подоле, как нам казалось, мы сделали такой очень «дзен-буддистский» или, если хотите, «протестантский» проект. Очень мягкой эстетики и с большой долей прагматики. Такой должна быть архитектура сегодняшнего времени — не звёздная и дорогая, а предельно простая. В фотожабах на театр нам вменяют в вину то, что мы использовали простые материалы и простые архаичные техники, потому что в сознании они связаны с бедностью.

Сегодня спокойная и взвешенная идея будущего, сопоставление себя с остальным глобальным миром и диалог с ним — это единственное, что может спасти нас как нацию. И наш проект об этом.